

Цветы расцветали и увядали, годы сменяли друг друга. Вскоре Янь Пэю исполнилось шестнадцать. Юношеская внешность становилась все более ослепительной, порой вызывая ощущение, что на него невозможно смотреть. меховая накидка и парчовый халат делали его лицо еще более утонченным, словно высеченным из нефрита. Его брови, изогнутые как клинки, были выразительными, но эта выразительность была не юношеской живостью, а скорее скрытой силой, излучающей легкое давление. Даже разговаривая с Цин Чжанем, он редко улыбался. Его нижние веки были чуть более полными, чем у обычных людей, и, когда он опускал глаза, казалось, что в них читалась печаль.

Все эти годы он учился боевым искусствам у Цин Чжана, и тот отдавал ему все свои знания. Более того, он попросил своего учителя, генерала Ли, который в свое время победил тысячи врагов и завоевал славу, лично обучать Янь Пэя. На второй год обучения тело Янь Пэя начало стремительно расти. Теперь, в шестнадцать лет, юноша уже был выше его самого, и, если бы рост продолжался, неизвестно, насколько бы он его превзошел...

Наедине с Цин Чжанем он очень любил полулежать на кушетке. Сбрасывая дикость тренировочного поля, в широких рукавах и длинном халате, с половиной чашки светлого чая, он лениво водил пальцами по чашке, разговаривая урывками. Время от времени он отпивал глоток.

Цин Чжань оставался рядом, во-первых, чтобы не давать повода для сплетен об отсутствии субординации, а во-вторых, потому что, приближаясь к Цин Чжаню, в нем возникал порыв, который он не мог контролировать — желание быть ближе к нему. Он был старше его на шесть лет, так нельзя...

Цин Чжань очень любил смотреть на Янь Пэя, погружаясь в свои мысли. Янь Пэй это понимал, с детства этот человек, казалось, любил его до безумия. Прошло столько лет, они выросли вместе в глубинах дворца. Его коварство и хитрость были ему полностью известны, но он, похоже, все еще очень любил его.

Каждый раз, думая об этом, Янь Пэй чувствовал невероятную радость. Но выражение его лица оставалось бесстрастным, и в такие моменты он поднимал чай и делал маленький глоток.

В это время Цин Чжань обычно сам подходил ближе. Даже прикосновение через одежду могло возбудить Цин Чжана до незнания, что делать. Дед говорил ему поскорее жениться, он же откладывал, говоря, что обсудит это после того, как поможет Янь Пэю совершить великие дела. Но он сам знал, что у него были странные мысли о Янь Пэе.

Он не раз видел во сне, как обнимает обнаженного принца, и каждый раз, просыпаясь, стыдился и шел стирать свои промокшие штаны. Это заставляло Цин Чжана чувствовать, что его отношения с Янь Пэем крайне нечисты. Он особенно боялся, что Янь Пэй обнаружит его мысли, отдавится от него, возненавидит его.

К счастью, Янь Пэй не замечал его странностей, и его отношение оставалось таким же, как обычно. Без особой разницы. За эти годы его отношение к нему стало еще более небрежным.

Помимо обсуждения необходимых дел, в личных отношениях можно сказать, что вообще не было пересечений, он всегда был бесстрастен с ним. С восьми лет он, по сути, наблюдал, как он растет. Но он никогда не знал, о чем он думает. Это вызывало у него чувство беспомощной печали, или, можно сказать, разочарования.

Если бы это был обычный мужчина, другой принц, такое состояние общения, вероятно, было бы нормальным. Но он не мог удержаться от желания понять его. Каждый аспект духовного уголка.

— Император не очень меня любит, он все еще настороженно ко мне относится. Даже если я сын императрицы, даже если ты, потомок генерала Чжэньго, помогаешь мне. Он все равно не поставит меня, — Янь Пэй сделал паузу, глядя на задумчивое лицо Цин Чжэня, и в сердце необъяснимо вспыхнул маленький огонек.

— О чем ты думаешь? — Его лицевые мышцы не дрогнули, расстояние между бровями и глазами осталось прежним, без малейшей разницы.

— Ни о чем.

— Тогда что я только что сказал?

— Ты сказал... — Цин Чжэнь замолчал, стоя прямо. С серьезным выражением он смотрел на Янь Пэя, не продолжая.

Янь Пэй тоже с серьезным выражением смотрел на Цин Чжэня, ожидая продолжения.

Цин Чжэнь продолжал серьезно смотреть на Янь Пэя.

Когда у него было плохое настроение, он не любил, когда проявляли слишком много близости. Сейчас у него было плохое настроение... Если сказать что-то, что его разозлит, он будет игнорировать его долгое время. Можно было только очень серьезно смотреть на него.

На мгновение атмосфера стала мрачной. Ветер завывал, в радиусе ста шагов не было ни души.

Янь Пэй смотрел на его серьезное лицо, не зная, что сказать, этот тупица...

— Император не очень меня любит, как бы ты ни помогал, он не поставит меня. Мы не можем думать о том, чтобы полагаться на него, если мы хотим получить это место, мы можем только иметь заслуги, которые он не сможет поколебать, — закончив, он опустил голову и сделал глоток чая, белоснежный фарфор между его пальцами был так прекрасен, что нельзя было оторвать глаз.

— Мм... что ты имеешь в виду? — Цин Чжань почувствовал, что его сознание немного помутнело, стоило только посмотреть на какую-то часть его тела, и он не мог оторвать глаз. Что бы двенадцатый принц ни попросил его сделать, он, наверное, сделал бы это без колебаний.

— В последнее время государство Мэн часто нарушает наши границы, император уже отправил тяжелые войска. Но вчера снова пришло боевое донесение, что армия не выдерживает.

— Хороший мужчина должен расширять границы государства, завоевывать земли для Великой Сан, даже если погибнет на поле боя, то без сожалений, — громко сказал Цин Чжань, и на мгновение вся комната наполнилась праведным духом.

Янь Пэй поднял голову, глядя на серьезность между его бровями, и даже такой глуповатый вид заставил его забыть выпить чай рядом с рукой.

— Я пойду и скажу деду, мы пойдем к императору проситься на войну. Небеса благословляют Великую Сан, мы обязательно не проиграем, — сказал Цин Чжань, и его глаза почти засветились. Он глубоко посмотрел на Янь Пэя.

Земли, которые я завоюю сегодня, в будущем все будут твоими. Будь то борьба за власть или дворцовые тайны. Сражаться с врагом, кровь окрашивает желтый песок. Это все еще страсть в костях каждого мужчины.

— Хорошо, завтра мы попросим отправить нас на войну. Но сегодня вечером я должен сделать кое-что, — Янь Пэй похлопал Цин Чжаня по плечу, в глазах его плескались волны.

— Что за дело?

— Завтра утром ты узнаешь. — Голос был легким, словно улетал вдаль.

.....

На следующий день слуги нашли тело восьмого принца, сына наложницы Чжэнь, в пруду с лотосами в заднем саду. Один башмак лежал на берегу, глаза не сомкнулись, широко раскрытые от какого-то ужаса.

В то время Цин Чжань был в военной форме во дворце Янь Пэя, в Великой Сан фиолетовый цвет считался благородным. Янь Пэй, будучи принцем, был одет в светло-фиолетовый халат. Длинные волосы были собраны нефритовой короной, его изящная шея полностью обнажилась, цвет кожи отличался от здорового, слегка смуглого цвета Цин Чжаня, его оттенок был более блестящим и белым, чем нефритовая корона, собравшая его волосы.

Когда слуги вошли и рассказали об этом, Цин Чжань как раз смотрел на Янь Пэя,

погруженный в свои мысли. Услышав эти слова, Янь Пэй не проявил никакой реакции. Закончив одеваться, он подошел к Цин Чжаню и сказал:

— Пошли.

Словно он не слышал известие о смерти восьмого принца. Только Цин Чжаню показалось, что в уголке его губ промелькнула едва заметная улыбка. Та улыбка, казалось, была, а казалось, и нет.

Позже он узнал, что он может действовать так смело и так бесшумно. В тот день в заднем дворце царил хаос, наложница Чжэнь плакала, кричала, вела себя как сумасшедшая.

Служанки не смели подойти тянуть, умерший ребенок все еще не закрыл глаза.

— Это призрак...

— Умершая госпожа Линь...

— Тогда говорили, что госпожа Линь толкнула восьмого принца в пруд с лотосами... Теперь госпожа Линь действительно вернулась и толкнула...

Слухи распространялись, бормоча, а наложница Чжэнь все еще плакала.

Задний дворец погрузился в хаос, но двор все равно должен был продолжаться. Здесь, в тронном зале, в доспехах Цин Чжань и в фиолетовых одеждах Янь Пэй стояли на коленях плечом к плечу.

— Я готов надеть доспехи, сражаться с врагом за страну. Не пожалею десяти тысяч смертей! — громко сказал Цин Чжань.

— Я, ваш сын, желаю отправиться на войну вместе. Поднимем боевой дух Великой Сан, защитим земли Великой Сан.

Доспехи были могучими, каждая чешуйка отражала ослепительную мужскую энергию. Фиолетовые одежды мягко и изящно стелились по земле. Двое просящих отправить на войну: один — героический и воодушевленный, другой — с намекающим непревзойденным величием.

— Хорошо! В Великой Сан есть такие принцы, такие верные и доблестные слуги. Как может не быть победы! Я приказываю, двенадцатый принц Янь Пэй — главнокомандующий тремя армиями, Цин Чжань — авангард, убивающий врага! Выступайте сегодня же!!

Тогда утреннее солнце только что прошло за карниз, когда они выходили с аудиенции, Цин Чжань шел позади Янь Пэя. Оглянувшись, карниз наполовину скрывал, но свет становился все сильнее. В следующий момент он мог осветить десять тысяч ли.

Позже наложница Чжэнь в заднем саду схватила Янь Пэя за одежду, обвиняя его в убийстве, голосом, полным крови и слез. У Янь Пэя были важные дела, он только махнул рукавом, отбросив ее. Позволил ей плакать и кричать в стороне.

<http://bllate.org/book/15451/1370744>